

ПОМОЛВИЛИ БАХА С ЗЕМФИРОЙ

Удачным или провальным был X конкурс имени Чайковского?

Труд. — 1994. — 5 июля. — С. 7.

Признаться, даже мы, соавторы сих заметок, долго не могли прийти к согласию по этому вопросу, пока не выработали-таки примирительную формулу: конкурс таков, каким он, наверное, только и мог быть. Ведь состязание такого масштаба (350 участников!), пользующееся громадным авторитетом в мире (вспомним имена его лауреатов за 36 лет истории — Клиберна, Ашкенази, Крайнев, Плетнев, Третьяков, Кремер, Марш, Атлантов, Образцова, Нестеренко, Бурчуладзе...), при всех случайностях не может не отражать реальную ситуацию в музыкально-исполнительском искусстве.

А она такова, что таланты не сыплются щедрым дождем с небес. И, думается, правы жюри пианистов, скрипачей и виолончелистов, оставившие «зиять пустотой» вершины пьедестала в своих категориях. Нельзя снижать планку, сам уровень которой — одна из основополагающих традиций конкурса имени Чайковского.

Притом, что мешает отдать должное тем, кто своим участием в состязании доставил радость? Это и южноафриканская пианистка Хэй Сун Пэк, в Первом концерте Шопена покорившая зал лирикой и истинным изяществом, а в Первом концерте Чайковского неожиданно поразившая мощью своего пианизма. Это и наш совсем юный (17 лет!) Александр Гиндин, музыкант светлого и открытого дарования, в Первом концерте Листа доказавший, что допущенные им ранее в конкурсной программе сбои, — лишь издержки возраста. Это и итальянский скрипач Марио Рицци — зрелый мастер, как никто другой на конкурсе постигший глубину и масштаб Концерта Брамса. И его израильский коллега Обер Фалк, строго и вместе с тем красочно в темповом отношении сыгравший Первый концерт Шостаковича...

Что хорошо, то хорошо — и по ряду принципиальных «позиций» у жюри и публики не нашлось разногласий. Ни у кого, например, не вызвало сомнения лидерство на третьем туре нашего Николая Луганского, с подлинным размахом исполнившего Первый концерт Чайковского и «постигшего» второй премии. Всеобщей любимицей стала и 17-летняя американская скрипачка Дженифер Кох, известная нашим меломанам по победе на юношеском конкурсе имени Чайковского в 1992 году и на сей раз не оставившая никому шанса подняться выше себя.

Однако (тут мы уже вступаем в область критики в адрес арбитра) как можно было поставить в один ряд с американкой, на то же, что и в нее, второе место, нашу Анастасию Чеботареву? — пусть и технически подкованную, и уверенно держащуюся на эстраде? Согласитесь, что спокойствие и бесстрашие — совсем не те качества, которые мы жаждем видеть в подлинном артисте. Как можно было дать первое место у вокалистов одновозрастно высокопрофессиональному бари-

тону из КНР Чен Е Юену и однообразно-агрессивной в своей манере пения, абсолютно не способной к перевоплощению Марине Лапиной (Россия)? Как можно было «уравнять в правах» на второе место американское колоратурное сопрано — Лауру Клэйкомб, солистку Сан-Францисской оперы, близкую к совершенству во всех компонентах вокального мастерства, а главное — пленяющую тонкостью и искренностью сценических образов, с зауряднейшим сопрано с Украины Татьяной Захарчук? Не говоря уж о том, что при всей симпатии к природному таланту абхазки Хиблы Герзмавы профессионализм ее пока весьма далек от уровня, который мы привыкли ассоциировать с понятием «Гран-при» (да еще вручаемого впервые в истории конкурса имени Чайковского!)...

Что ж, члены жюри — живые люди, и, возможно, добрейшему Зурабу Соткилаве, а заодно и кое-кому еще из Большого театра стало просто жаль их младшего коллегу по труппе Михаила Давыдова, — чем еще объяснить его третье место? Зато к Татьяне Воропай из Белоруссии, Элин Мэтос из США, китайкам Сю Вэй Сунь и Хуанг Цзинг испытывать подобные чувства у судей, очевидно, не нашлось оснований. Может, потому и остались очень хорошие певцы за чертой третьего тура?

Но если уж помнить несправедливо «зарезанных», то тут вне конкуренции, несомненно, оказались виолончелисты (не зря их состязание один известный музыкальный журналист сравнил с Варфоломеевской ночью). Это ж надо — не пустить на третий тур всю «элиту» второго: нашего Пауля Суссы, французца Бертрана Рено, немку Таню Терцлафф... Так «прошлись» Мамаем, что не только первую, но и вторую, и даже третью премии вручать оказалось некому, и лишь на далеком четвертом месте замаячил наш Георгий Горюнов (на пару с американкой Элин Мун).

О виолончельном конкурсе следует вообще поговорить особо. Ибо дело тут не только в просчетах жюри. Ситуация в виолончельном исполнительстве высветила общую проблему отечественного искусства: годы застоя и последующей сумятицы вытеснили из страны многих ярких музыкантов, педагогические коллективы обескровились и (как бы поделкатнее выразиться) «посерели». В самом деле: 10 учеников (в том числе собственную дочь) выдвинула на нынешний конкурс профессор Московской консерватории, председатель жюри Наталья Шаховская, но лишь один из них занял призовое место... Мы (надо это наконец признать) варимся в собственном соку, а он далеко не столь питателен, как лет 20 назад. Скажем, во всем мире сейчас стремятся к исторической достоверности манеры исполнения, наших же музыкантов эта тенденция будто бы и не коснулась, и они продолжают играть, напри-

мер, Баха с романтической лихостью чуть ли не таборных виртуозов...

И если бы неблагоприятно было только в виолончельной специальности! Между прочим, okolным путем этот кризис ударил все по тому же конкурсу. Имею в виду катастрофическое падение профессионализма (в частности, профессионального отношения к делу), которое наблюдается среди наших оркестров. И беремся утверждать, что не одна конкурсная неудача на совести оркестров Павла Когана (с дирижером из Белорусского ГАБТ Александром Анисимовым), Владимира Понькина и Валерия Полянского, игравших так, словно они впервые в жизни видят ноты концертов Чайковского или Дворжака, или арии Верди и Россини... Лишь оркестр Василия Синайского сумел поддержать честь отечественной симфонической школы и украсил собой конкурс.

Побольше бы таких проблем! По счастью, жизнь соткана не только из дурного, но и из хорошего. Неожиданно на нынешнем конкурсе удалось решить, хотя бы отчасти, такие проблемы, которые раньше были хроническим камнем преткновения. Например, хорошо, уютно поселить участников и вкусно их накормить (простите за прозаизм, но ведь и это важно!). Правда, на квалифицированных, культурных переводчиков пороку уже не хватило (одна из них, например, тщетно пыталась перевести на русский язык слово «Каллас»), но это так, мелочи. Куда дороже, что конкурс прекрасно освещался в средствах массовой информации, в частности по радио, прежде всего по каналу «Орфей», дававшему в день до 7—8 часов прямых трансляций с содержательными комментариями корреспондентов станции непосредственно из залов консерватории и филармонии и буквально погружавшему своих слушателей в атмосферу соревнования. Нам особенно приятно об этом писать — ведь «Труд» традиционно «соучаствует» единственному в стране каналу классической музыки и входит в число его почитателей.

В заключение — одно пожелание. На конкурсе были чрезвычайно широко представлены восточно-азиатские страны, ряд посланцев которых занял весьма почетные места. А ведь еще совсем недавно «европейская» музыка укоренялась здесь только первыми робкими ростками. Так следует ли нам, с нашими-то культурными традициями, впадать в чужие от временных неудач? Пожалуй, только одному стоит поучиться у восточных соседей: уважению к этому самому культурному достоянию. Вот ведь хватает же у их спонсоров энтузиазма даже на российский конкурс имени Чайковского. Ну так, может, главными меценатами следующего XI конкурса станут через четыре года все-таки наши — государство, бизнесмены? Вот тогда за судьбу родной музыки и впрямь можно быть спокойнее.

Мария БАБАЛОВА,
Сергей БИРЮКОВ,
Владимир ОЯВИН.